

Глеб Иванович Успенский

Добрые люди

Глеб Иванович Успенский
Добрые люди
Серия «Кой про что», книга 3

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=665905*

Аннотация

«...Любовно изображая «одинокие фигурки» добрых людей, Успенский здесь же утверждает, что они «не имели никакого общественного значения» в деревне, потому что терялись среди деревенских хищников и живорезов, олицетворявших, по мнению писателя, «известный порядок вещей», который довел крестьян до каторжного труда, нищеты и разорения...»

Содержание

I	4
II	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Глеб Иванович Успенский

Добрые люди

I

Человек доброй души, швейцар, помогший Михайле словом и делом выбраться из ничтожества на белый свет, то есть жениться и устроить собственное свое хозяйство, совершенно неожиданно пробудил во мне воспоминания о бесчисленном множестве добрых душ, добрых людей, которых мне постоянно приходилось встречать и в городской и в деревенской среде. «Отчего это, — подумалось мне, — я так мало касался людей такого сорта и отчего, напротив, всевозможного рода хищники и живорезы так много поглощали моего внимания?» И, припомнив, как было дело, я убедился, что к этому не было никакой возможности, потому что добрые люди, как бы много ни приходилось встречать их в жизни, были явления единичные, своеобразные, люди, проявлявшие свою доброту на свой образец, в своем уголке, в своем частном кругу, тогда как хищники, живорезы, были и есть люди известного общественного течения, люди, олицетворяющие собою известный порядок вещей, ненавистники всякого иного порядка, с которым они и борются всеми возможными средствами и ни пред чем не останавливаясь.

Какой-нибудь добродушнейший вдовый мужичок, вроде известного в наших местах «Митеньки», надумает «сам по себе», что надобно, мол, бедным помогать, и начнет творить добро в своем уголке. Митенька, например, чтобы «творить добро», ухитрился сделаться лекарем, стал лечить петербургских купчих из Ямской молитвами и травами и сумел прослыть за великого искусника и целителя, а когда достиг большой популярности и стал зарабатывать множество денег, то, возвращаясь в деревню, принялся творить добрые дела, помогал бедным, вдовам, сиротам, разорившемуся мужику и т. д. В «своих местах» его помнят, и помнят главным образом те, кому он помог, поддержал. Но уже одно то, что этот «Митенька» был зарезан своим работником, и притом с целью грабежа, доказывает, как широка была волна хищничества и наживы и как почти бесследно, словно капли в море, исчезали в ее бурном потоке эти одинокие фигурки добрых людей и их маленьких добрых дел. Не до них было в то время. Если же теперь эти одинокие фигурки и их одинокие, не имевшие никакого общественного значения добрые дела и начинают возникать в памяти, то единственно только потому, что уж слишком надоело и измучило обилие всевозможных дел и людей живорезного направления.

II

Еду я раз как-то, лет шесть тому назад, с одной из станций узкоколейной дороги, направляясь на дачу, нанятую на лето моим приятелем. Проехав несколько верст по шоссе (не знаю, земское оно или еще аракчеевское), я должен был свернуть в сторону, в лес.

До поворота оставалось не более нескольких десятков саженей, как вдруг из лесочка, в который нам именно и следовало повернуть, с треском вылетела телега и загородила нам дорогу. В телеге были ящики с пивом, а на облучке ее качался из стороны в сторону и едва мог сидеть совершенно пьяный мужик без шапки. Не успела выскочить из лесу телега, как за ней, с плясом, с гармонией, с песнями и присвистами, выступила огромная толпа мужиков и баб, молодых и старых, и среди этой веселой и сильно подгулявшей толпы с трудом двигался до невозможности развинченный, дребезжащий, весь исковерканный и изломанный тарантас. В этом тарантасе сидел какой-то человек, худенький, кривобокий, изможденный, крепко пьяный, в расстегнутом пиджаке и жилете. Две молодые здоровые бабы с гармониями сидели у него в ногах, свесив свои ноги на подножки тарантаса, и горланили песни, в то время как кривобокий человек, из всех сил надсаживая свою разбитую грудь и стараясь перекричать галдевшую толпу, махал своим картузом и почти

кричал:

– Милочки мои! Поклонники вы мои! Не забуду я вас до гробовой доски! Други! Ангелы мои!..

– Филипыч! – галдели мужики и бабы. – Ты отец наш! Ты наш покровитель!.. Бог тебя не оставит!.. Эй, шевелись, с пивом-то, потчуй!

– Откупоривай живей! На перекрестке поздравим Филипыча!

– Ангельчики мои! Милочки мои! Отрада моя единственная! – продолжал надсаждаться Филипыч, весь бледный, пьяный, возбужденный, со слезами на глазах.

Среди этого галдения в толпе, растащившей пивные ящики, хлопали бутылки кабацкого шипучего пива, разогретого летним послеобеденным солнцем; откупоривали его кто гвоздем, кто кнутом, протыкая пробку, кто хлопал горлышком бутылки об колесо, причем мужики и бабы резали себе руки, а иногда и губы до крови, и все это, мокрое, пьяное, еще шумнее принималось галдеть, лезло к Филипычу целоваться, вопияло: «Отец! Благодетель! Ты наш помещик! Мы твои подданные, поклонники!»

– Подымай его на уру! На уру бери! Берись, ребята!

Толпа сгрудилась у тарантаса, что дало нам возможность потихонечку объехать его, и в то время, как мы поворачивали в лесок, Филипыч летал над толпой как перо, махал руками, плакал и выкрикивал:

– Ангелы! Поклонники!.. Купидоны!

– Ура-а-а!..

– Вали на вокзал! Вали, ребята, до вагону провожать! трогай все!..

– Ура-а-а!

– Убьют они его! – оглядываясь на летавшего Филипыча, сказал мой возница, и мы въехали в лесок.

– Что это такое? – спросил я извозчика.

– А уж, право, не знаю... Да вот мы увспросим... Бабушка!.. Э-эй, старушка! – окликнул он какую-то старушку, направлявшуюся по той же дороге, по которой ехали и мы.

Сгорбленная старуха с палочкой в руках остановилась, закашлялась. Извозчик приостановил лошадь.

– Что это у вас за помещик объявился? – спросил извозчик.

Старушка долго кашляла, закрывая рот рукою, наконец проговорила:

– Да ты посади-ко меня в телегу-то, подвези старуху, я тебе все расскажу.

– Садить, что ли? – спросил ямщик.

– Конечно, подвезем!

– Ну садись, бабка, полезай!

С трудом взобралась старушка на телегу и уселась посередке, прямо на сене.

– Ты не больно прытко поезжай-то, – сказала она ямщику. – У меня кости старые, по камню-то всё разобьешь...

– Ну, ладно!

Поехали шажком.

– А это, – начала старуха, – мы провожали нашего отца-благодетеля, покровителя нашего, Артамона Филипыча! Вот каков наш помещик!.. Кажинный год об эту пору он к нам в гости приезжает, ну вот мы его и чтим. Кабы не он, вовеки бы мы свету не видали, так бы и запропали в своей трущобе, как медведи...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.